

**«ПРОСВЕЩЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ» В ПРОВИНЦИИ НАКАНУНЕ
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: СОТРУДНИК САМАРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ГРОТА
Н.А. ВОРОНОВ И ЕГО ВКЛАД В РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА****

В статье дан анализ недавно опубликованного ценного источника по истории Поволжья середины XIX столетия – «Описания Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей». Сочинение задумывалось как путеводитель для предстоящего путешествия председателя Русского географического общества великого князя Константина Николаевича. Однако оно стало настоящим научным трудом по географии, статистке, истории, этнографии. Его автор был представителем образованного чиновничества, которое вело региональные исследования, разделяло модернизационные настроения своей эпохи, участвовало в разработке и проведении Великих реформ. Воронов внес важный вклад в изучение Самарского края и был представителем общественной мысли эпохи преобразования России.

Ключевые слова: Россия в XIX в., история Поволжья, этнические процессы, модернизация, хлебный рынок, краеведение, Александр II, Русское географическое общество.

Середина XIX века – малоизученный период истории российской провинции, в том числе Самарской губернии. Одной из причин является недостаток сводных статистических, исторических и географических сочинений этой эпохи, без которых трудно представить себе полноценную источниковую базу региональных исследований. Кроме того, подобные сочинения составляют важный пласт историографии прошлого для любой территории.

Долгое время казалось, что имеется вековой пробел в наличии таких комплексных источников и трудов по истории края. В самарском регионоведении наблюдался временной разрыв между сочинениями, созданными в XVIII в. видными учеными и государственными деятелями И.К. Кириловым, В.Н. Татищевым, П.И. Рычковым, Т.Г. Масленицким, и появившимися в последней четверти XIX в. работами П.В. Алабина и его современников. Однако трудами современных исследователей этот разрыв стал постепенно заполняться. Так, заново были переизданы краеведческие публикации А.Ф. Леопольдова в самарской прессе 1850-х гг. и очерк истории

---

* © Смирнов Ю.Н., 2016

Смирнов Юрий Николаевич (smirnov195503@yandex.ru), кафедра документоведения, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 15 11 63002 а(р) «Трансформация Самары из уездного города в губернский центр накануне и в начале реформ середины XIX в.: архивные материалы и печать о переменах в административной сфере, формировании гражданского общества, развитии культурной среды».

Самары П.К. Попова в одном из первых самарских адрес-календарей [15]. Вводились в научный оборот публикации о Самаре, выходившие в местной и столичной периодике предреформенных лет [2; 3].

Кроме газетных и книжных раритетов исследователи обратили внимание на наличие в архивах значительных по объему и содержанию рукописей середины XIX в. о Самаре и губернии [5]. Стало очевидно, что интерес к изучению Самарского края уже в 1850-е гг. отразился в регионоведческих трудах о нем, написанных священниками [8, с. 228], учителями [5, с. 144–145], чиновниками [4, с. 147].

Следующим шагом стало введение обнаруженных материалов в научный оборот не только с помощью изложения их сведений в статьях и монографиях, но и публикацией этих источников. В результате было осуществлено издание, пожалуй, самой объемной и полной из этих статистико-географических и историко-этнографических рукописей рассматриваемого времени. Она была составлена в 1857 г. самарским чиновником Николаем Алексеевичем Вороновым и получила название «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» [10]. Данная рукопись хранится в Научном архиве Русского географического общества (РГО) в Санкт-Петербурге (НА РГО. Раз. № 34. Д. 6).

Публикации названной рукописи немало поспособствовало то обстоятельство, что в 2015 г. в Самаре проходил Всероссийский библиотечный конгресс. Готовясь к нему, при поддержке руководства Российской национальной библиотеки (РНБ) и Самарского государственного университета, профинансировавших эту работу, ученые из Санкт-Петербурга и Самары (А.И. Раздорский, Н.С. Чернышева, Д.Н. Шилов, Ю.Н. Смирнов) подготовили отвечающее всем археографическим требованиям научное издание книги Н.А. Воронова, дожидавшейся своего выхода в свет более полутора столетия.

Правда, частично сочинение Воронова было напечатано в год своего написания в номерах с 20-го по 23-й газеты «Самарские губернские ведомости» за 1857 г. Благодаря этому, его современники могли познакомиться с этим сочинением вкратце.

Петербургские издатели рукописи Воронова в 2015 г. посчитали, что упомянутую газетную публикацию осуществил А.Ф. Белокрысенко [10, с. 6]. Однако самарские библиографы [19, с. 31], историки [4, с. 157], археологи [14] изначально и постоянно связывали этот газетный материал с самим Н.А. Вороновым.

Надо принять во внимание, что А.Ф. Белокрысенко, крестный отец В.И. Ульянова-Ленина и приятель его родителей, до конца жизни работал по удельному ведомству в Симбирской губернии, а потому описание территорий по левому самарскому берегу Волги находилось вне его интересов и служебных обязанностей. Об этом же свидетельствует тематика тех краеведческих работ, которые, бесспорно, были подготовлены самим Белокрысенко [7]. Причины недоразумения с авторством газетной публикации и степень участия в ее подготовке Белокрысенко остаются неясными. Однако ее принадлежность Н.А. Воронову видится нам несомненной, поскольку статьи «Самарских губернских ведомостей» 1857 года воспроизводят с разной степенью полноты именно текст его рукописи.

Об этом авторе и его работе упоминал самый известный самарский краевед XIX столетия П.В. Алабин в 1877 г. Правда, он не делал на нее ссылок даже в тех местах своей книги «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» (Самара, 1877), где явно заимствовал текст Воронова. Не совсем точно Алабин называл само сочинение Воронова «кратким статистическим описанием Самарской губернии», неверно датировал его 1854 годом, допустив ошибку при чтении чужого почерка. Эти неточности дают основание предположить, что Алабин работал не с газетной публикацией, а с рукописным текстом, но не тем, что был переписан на белом и отправлен в Петербург, а с черновым вариантом, оставшимся в губернских учреждениях Самары.

Судьба этого первоначального списка «Описания», возможно, даже представлявшего собой автограф Воронова, неизвестна.

Наряду с интересными краеведческими и археографическими подробностями сочинение Воронова обладает ценностью как памятник исторической и общественно-политической мысли своей эпохи. Модернизационный скачок, который начался в России с середины XIX в., проявился не только в социально-экономической, административной, судебной и военной сферах. Он неизбежно затрагивал сферу культуры, социальной активности, повседневности. Показателями этого стали рост интереса к российским территориям со стороны властей и активизация региональных исследований со стороны местной общественности, в том числе через участие в работе таких научных обществ, как РГО.

Если согласиться с Б.Н. Мироновым, что «гражданское общество — это взаимодействие государства и общественности» [17, с. 111], то совместные усилия администрации и образованных жителей в российской провинции в сфере краеведческих изысканий были в числе шагов по направлению к его формированию. Отметим, что чиновники и общественные силы Самары вместе успешно добились еще при Николае I благоприятного решения такой сложной задачи, как ослабление крепостного режима, мешавшего хозяйственной и торговой жизни. Здесь был отменен паспортный контроль, то есть, по существу, выявление беглых среди тех, кто прибывал в Самарскую губернию на заработки или для торговли [6, с. 15].

Можно заметить по вышеупомянутым родоначальникам самарского регионоведения, что важную роль в его становлении сыграли именно чиновники. Их образованная часть не случайно была названа в исторической литературе «просвещенной бюрократией» [1].

Несомненно, что именно к этому кругу принадлежали самарский губернатор К.К. Грот и его «команда», которая прибыла с ним на службу в Самару и в которую вошел Н.А. Воронов [4, с. 157]. Это была «новая молодежь» в чиновничьих мундирах, чьи старания вместе с Гротом в Самаре «пробудить во всех классах народа дух гражданской жизни», как писали «Московские ведомости» в 1860 г. (№ 148), вызывали одобрение со стороны не только либерально настроенной публики и прессы, но и приверженцев более радикальных взглядов [18, с. 182]. Создание в новой губернии достаточно эффективных органов управления и ее быстрое социально-культурное развитие совпали по времени с ожиданиями кардинальных перемен, укрепляя реформистские настроения у представителей власти и общества.

Н.А. Воронов родился в 1830 г. в семье отставного чиновника в Изюмском уезде (ныне — Харьковская обл.). Он рано остался без отца, а семья лишилась кормильца. Матери удалось добиться зачисления семилетнего сына в Александринский сиротский институт в Москве на казенное содержание. Воронов окончил институт через 13 лет в 1850 г. Из 24 выпускников он был первым по оказанным успехам. Среди предметов, которые Воронов освоил на одни пятерки, значились различные правовые и исторические дисциплины, география и статистика, то есть многие из тех наук, в чем ему предстояло затем себя проявить [10, с. 9–10].

Воронов начал свою карьеру в Министерстве внутренних дел. Служа в его Хозяйственном департаменте под началом Н.А. Милютина, впоследствии видного деятеля Великих реформ, он познакомился с К.К. Гротом. Когда тот в 1853 г. был назначен начальником Самарской губернии, Воронов принял предложение занять при нем должность чиновника особых поручений [10, с. 12].

К.К. Грот ценил Воронова как сотрудника, способствовал его продвижению в чинах, не обходил наградами и не оставил без протекции после отъезда из Самары в 1860 г. Благодаря Гроту, возглавившему подготовку реформы косвенного налогообло-

жения и департамент неокладных сборов Министерства финансов, Воронов в 1862 г. стал руководителем акцизной службы Самарской губернии [10, с. 13].

В 1864 г. была опубликована вторая известная нам регионоведческая работа Воронова. В отличие от оставшегося неизданным «Описания Волжского побережья Самарской губернии» она была напечатана и освещала сведения, непосредственно относившиеся к службе автора, который контролировал тогда в губернии производство алкоголя, торговлю водкой («хлебным вином») и виноградными винами, пивом и хмельным медом [9]. Кроме профессионально грамотных технических и финансовых подробностей о винокурении и виноторговле в статье Воронова показано понимание им важности порученного ему дела и по размеру «доставляемого им государственного дохода», и по количеству занятых в этой отрасли людей. За строками похожего на отчет текста видна также принципиальная позиция проводника одной из важнейших финансовых реформ, отстаивавшего ее от попыток срыва и ревизии со стороны бывших откупщиков. Воронов вновь проявил себя надежным сотрудником К.К. Грота, инициатора этой реформы, не отказавшегося от ее проведения даже за колоссальную взятку в 1 млн руб. [11, с. 243].

В 1866 г. Воронов перешел на должность руководителя акцизного ведомства Казанской губернии. В 1881 г. он ушел в отставку по состоянию здоровья. Сведений о его последующей жизни и кончине в имеющихся документах нет [10, с. 14].

Именно губернатор дал задание Воронову составить описание Самары и ее окрестностей. Краткая история данного поручения была изложена в письме Грота вице-председателю РГО Ф.П. Литке, которое приложено к рукописи Воронова и подшито с ней в одно архивное дело (НА РГО. Раз. № 34. Д. 6. Л. 124–125).

Из письма явствует, что в начале января 1857 г. прежний вице-председатель РГО генерал от инфантерии М.Н. Муравьев обратился к Гроту с пожеланием получить сведения о Самарской губернии для путешественника к предполагаемому путешествию по России великого князя Константина Николаевича, являвшегося председателем Императорского Русского географического общества. Такая практика была не нова. Например, когда в 1837 г. цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II) отправился в путешествие по стране, «его маршрут был опубликован в виде брошюры, которая предназначалась для памяти путешественникам», входящим в свиту наследника, и «для руководства местным властям» [16, с. 82]. Сама же традиция таких путешествий царствующих особ и членов их семей (путешествия носили «в основном познавательный и политический характер»), была заложена еще Екатериной II в 1767 г. ее плаваньем по Волге [13, с. 116].

Для Грота это было не просто обращение со стороны высокопоставленного и близкого ко двору сановника. Русское географическое общество послужило в свое время стартовой площадкой для карьеры будущего губернатора, который выполнял в нем обязанности казначея [4, с. 157]. Должность была неоплачиваемой, общественной, но она помогла обзавестись весьма высокими связями, очень полезными знакомствами, открывала двери в престижные дома и салоны.

Можно не сомневаться, что поручение руководства РГО Грот постарался выполнить не за страх, а за совесть, а потому подошел к выбору исполнителя со всей ответственностью и не ошибся. Грот сформулировал перед Вороновым цель задания — описать Самарскую губернию «с обозначением тех мест, которые могут наиболее заслужить внимание его высочества при плаваньи по р. Волге» [9]. К апрелю это описание было закончено. Готовую рукопись отправили в Санкт-Петербург на имя только что назначенного вице-председателем РГО адмирала Литке, бывшего воспитателя великого князя Константина Николаевича.

В своем письме губернатор просил Литке посмотреть на работу Воронова «единственно как на материалы для предполагаемого путеводителя, потому что, не зная ни объема, ни плана оно, я не мог составить ничего окончательного». Такую оценку сочинения Воронова надо признать излишне скромной. В РГО был получен цельный, объемный, законченный труд, не имевший дотоле аналогов.

Что касается предполагавшегося путешествия великого князя, то оно не состоялось, как и путеводитель для него. Началась разработка Великой реформы, Константин Николаевич стал одним из главных сотрудников своего венценосного брата Александра II, отход от государственных дел на срок долгого путешествия стал невозможен. Наверное, поэтому оказался забытым в архиве и труд Воронова.

Вороновское «Описание...» разбито на два раздела. В первом («Очерке Самарской губернии в историческом, этнографическом и статистическом отношении») представлены данные о физической географии и гидрографии края, приведены исторические сведения, помещена характеристика основных национальных групп населения (русских, мордвы, татар, чувашей и др.), дан обзор хлебопашества и скотоводства, составлявших основу хозяйства региона. Во втором разделе («Замечательнейшие местности по берегу реки Волги в пределах Самарской губернии») содержатся очерки важнейших населенных пунктов, расположенных в Самарской губернии по левому берегу Волги: городов Самары и Ставрополя, колоний Привальной и Екатеринштадта, сел Балакова и Хрящевки, Покровской слободы и других. Здесь также есть данные по истории заселения и современному автору состоянию Самарской Луки, Самарского уезда, иностранных колоний. «Описание» содержит богатый статистический материал по демографии, состоянию различных отраслей сельского хозяйства, местной торговли, дорог и судоходства.

Конечно, удачному завершению этого труда немало поспособствовало служебное положение Воронова при К.К. Гроде. Множество приведенных здесь статистических и фактических данных можно было почерпнуть только в канцелярии губернатора и в других губернских учреждениях. Кроме собранного интересного материала, с которым можно теперь детально ознакомиться в публикации, заслуживают внимания выводы Воронова как исследователя.

Так, автором «Описания...» были четко выявлены тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп населения Самарского края. Воронов как грамотный и образованный управленец справедливо указал, что данный процесс был обусловлен не только совместным проживанием народов на одной территории. В значительной мере эти явления были следствием развития товарного производства, рыночных отношений, стирания многие национальные или конфессиональные барьеры и различия.

Стоит привести дословно высказывания Воронова, которые позволили охарактеризовать его как проницательного наблюдателя развития товарно-денежных отношений в Самарском Заволжье и их последствий на социальном, культурном, этническом уровне. Он писал: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно, при всем разнообразии своего исторического происхождения, уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное (товарное. — Ю.С.) направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбуждая новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губерний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных центров. Так, все русские крестьяне в здешних местах оставили свой областной наряд, который они удерживали долго еще после своего переселения» [10, с. 29].

Свои выводы о постепенном стирании этнических границ Воронов распространяет не только на русских, но и на другие народы, совместно заселившие Самарское Поволжье. Например, он описывает мордву так: «Мордва исключительно занимаются земледелием, трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены. Там, где они живут, в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются родственных отношений с последними и в таких случаях оставляют свою народную одежду и даже свой язык. Вследствие того мордва во многих селениях до такой степени обрусели, что совершенно изгладились следы их племянного происхождения, и потому в настоящее время невозможно получить об них верных численных данных... Такое стремление мордвы к восприятию русских нравов разительнее всего обнаруживается тем, что во всех мордовских селениях, даже там, где вовсе нет русских, можно услышать только русские песни. Новое поколение совершенно не знает мордовских песен, которые хранятся теперь только в памяти стариков» [10, с. 32].

Эти замечания Воронова вполне соответствуют выводам современных историков о том, что «существование мордовского этноса в Российской империи сопровождалось ассимиляционными процессами, начавшимися еще в XVIII в.» [21, с. 149]. Затем они ускорились, особенно в районах интенсивной колонизации. Самарская губерния стала территорией, где в середине XIX в. было особенно заметно образование «этнически смешанных структур расселения мордвы» [20, с. 30].

Указывая, что у русских и других жителей края сформировались «общие черты», Воронов отмечает, что представители разных народов по-прежнему «удерживают многие им только свойственные особенности» [10, с. 32]. С этим заключением также нельзя не согласиться.

Процессы ассимиляции не являлись общим правилом. В частности, они не затронули немецких колонистов. Воронов писал, что «колонисты неохотно учатся русскому языку и только побуждаемые необходимостью сближаются с русским населением. Подобное отчуждение мешает колонистам принести России ту пользу, которую она вправе от них ожидать. По причине незнания языка, влияние их на русских крайне ограничено, и русские лишены возможности покороче знакомиться с бытом колонистов и перенять от них что-нибудь полезное» [10, с. 53–54].

В целом этнический состав населения Самарской губернии представлен Вороновым в таблице 1 [10, с. 27].

Таблица 1

Этнический состав населения Самарской губернии

Население	Мужского пола	Женского пола
Русских	528 558	551 155
Мордвы	64 288	68 977
Чуваши	29 408	29 187
Татары	37 172	39 017
Других инородцев, как то: башкиры, тептярей, колонистов и т. п.	65 577	65 742
Всего	725 003	754 078

Данные Воронова при этом не всегда безошибочны и требуют сверки с другими источниками. Высказанное им заключение, что в Самарской губернии мордва проживает «во всех уездах, кроме Николаевского и Новоузенского» [10, с. 28], не находит подтверждения. Наличие заметных по численности групп мордвы в двух южных уездах Заволжья (всего 12870 чел. обоого пола в 1834 г.) показано в сведениях статистика и этнографа П.И. Кеппена, хранящихся в том же архиве РГО (НА РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 8).

Исследователи уже обращали внимание на яркую и точную оценку Вороновым стремительного роста коммерческой запашки пшеницы в 1835–1845 гг., названного им «белотурочной лихорадкой» [5, с. 234]. Судя по всему, это выражение появилось под воздействием прогремевшей «золотой лихорадки» в США. Надо только учесть, что превращение Самарского края в центр производства и сбыта твердой пшеницы-«белотурки», в основном шедшей в столичные города и на экспорт, произошло еще до того, как началась в 1848 г. золотодобыча в Калифорнии.

В погоне за богатством, как это всегда бывает в подобных «лихорадках», имелись и выигравшие, и пострадавшие: «То была настоящая белотурочная лихорадка, которой не избежали из здешних жителей ни один купец, почти ни один чиновник, но многие приезжали из других, даже отдаленных губерний, в надежде скоро обогатиться от посева белотурки. Тогда составилось несколько компаний на товариществе для посева пшеницы в большем размере. Некоторые действительно получили выгоды при благоприятных обстоятельствах, но большая часть предприятий принесла только убыток и разорение» [5]. Неудачи отдельных предпринимателей не снижают значения развития товарного хлебного производства для всего Самарского края с экономической, агротехнической, демографической точек зрения. Вот как об этом писал Воронов: «Такое исключительное и быстрое распространение хлебопашества, без сомнения, зависело от увеличивающегося населения, принимавшего постоянно большое число переселенцев; но число жителей далеко еще не соответствует пространству земель. Успехам в этом отношении более всего способствовало развитие торговли пшеницею. С того времени явились так называемые здесь коммерческие запашки, которые привлекли к хлебопашеству значительные капиталы, и, хотя частные промышленники уже не предпринимают запашек в больших размерах, как это было несколько лет назад, но самый пример и даже опыты многочисленных неудач не остались бесплодными... это способствовало возвышению дохода с земель и многим улучшениям хозяйственным, оценке земледельческого труда и впоследствии разделению этого труда» [10, с. 39].

Хлебопашество, по мнению Воронова, стало главным стержнем хозяйственной жизни: «Теперь хлебопашество распространилось, можно сказать, до крайних пределов в отношении к местным средствам и вытеснило или ослабило многие другие отрасли сельского хозяйства». Оно «наиболее питает местную торговлю, доставляя в то же время работу многим тысячам людей, приходящим ежегодно из других губерний» [10, с. 37, 39].

Обращение к достижениям культуры Самарского края у Воронова является очень кратким и сводится к перечню храмов и учебных заведений. Так, по г. Самаре он ограничился лаконичной, хотя и достаточно информативной таблицей образовательных учреждений [10, с. 75] (см. табл. 2).

Таблица 2

Образовательные учреждения г. Самары

Наименование	Число училищ	Число учащихся	Число учащихся
Гимназия	1	8	64
Уездное училище	1	5	79
Приходские училища	2	4	172
Духовное уездное училище	1	6	253
Частное учебное заведение для мальчиков	1	4	15

Однако, видимо не без участия Грота, в рукопись был вставлен отдельный пассаж об отсутствии школ для девочек, необходимости их создания и мерах, для этого предпринимаемых. Известно, что губернатор, его сотрудники и местное общество

именно с 1857 г. развернули большую работу по развитию женского образования, заметную даже в российском масштабе [4, с. 158–160]. Вставка о женских училищах в рукопись Воронова свидетельствовала о серьезных намерениях самарской администрации и общественности в решении данного вопроса.

Краткость изложения сведений о состоянии духовной и общественной жизни, а также народного образования в Самарском крае не означала их недооценку Вороновым. Наоборот, для будущих высокопоставленных читателей из руководства РГО он, разумеется, с ведома губернатора высказывал свои убеждения, совершенно соответствующие духу приближающихся реформ: «Нет также сомнения, что с развитием лучших гражданских отношений с открытием способов к просвещению, которое всегда благотворно действует и на массу простолюдинов, должно ожидать не только утверждения добрых нравственных начал, но и самого обширного промышленного движения в этом крае, где теперь уже таковое направление достаточно усвоилось простому народу, а между тем столько еще остается непечатых источников к его благосостоянию» [10, с. 88].

Буквально через несколько месяцев после завершения рукописи Воронова администрация, руководимая Гротом, раскроет смысл того, что именно подразумевалось под первоочередными источниками повышения народного благосостояния. На дворянском собрании в январе 1858 г. прозвучал первый официальный призыв к обсуждению крестьянского вопроса в Самарской губернии. Тогда Грот однозначно призвал помещиков к поиску путей «замены обязательного труда вольным» (Самарские губернские ведомости. 1858. № 8). В сентябрьской речи Грота на открытии губернского Комитета об улучшении быта помещичьих крестьян еще отчетливее говорилось о хозяйственных и финансовых преимуществах применения «вольного труда» (Самарские губернские ведомости. 1858. № 40).

Стоит вспомнить, что за год до этих выступлений Грота, которые многих в России буквально «наэлектризовали», как выразился выдающийся юрист А.Ф. Кони [18, с. 186], в работе Воронова, предназначенной для члена императорского дома и его окружения, прямо говорилось о главном преимуществе Самарского края – преобладании вольных переселенцев: «Большое число водворившихся с тех пор свободных поселян, пришедших добровольно и целыми обществами, как они жили на старине, сохранивших добрые предания, какие завещаются постоянно спокойною свободою сельскою жизнью, имели самое благодетельное влияние на водворение порядка в здешнем крае» [10, с. 88]. То, что значительное количество крестьян Самарского края не находилось в личной зависимости, доказывалось подсчетами Воронова в таблице о «числе сельских жителей» губернии [10, с. 28]. (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество сельских жителей Самарской губернии

Жителей	Обоего пола душ
Государственных крестьян	766 527
Удельных	257 095
Помещичьих	234 460
Колонистов	83 539
Башкир и тептярей	49 659
Отставных солдат, солдатских детей и жен	33 379

Воронов и его сослуживцы были среди тех, кто сознательно готовил почву под предстоящие реформы, искренне верил в их необходимость и благотворность, считая, что тем самым выполняет не только свой служебный долг, но и общественную миссию. «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» вполне встраивается в общую канву такой деятельности, обеспечивавшей

в конечном счете ход и успехи российской модернизации. Несомненно, взгляды Н.А. Воронова вполне отвечали «такому существенному критерию модернизационных процессов, как становление личности, готовой к восприятию перемен и полагающей гражданские и политические права естественным атрибутом человека» [12, с. 7].

Сочинение Воронова, таким образом, явилось одним из проявлений общественного подъема, вызванного Крымской войной, сменой на троне и общей либерализацией обстановки в стране. Этот подъем затронул не только столичные города, но и провинцию. Не остался он незамеченным и в Самаре. Уже отмечалось, какую важную роль в процессе оживления «гражданской жизни» сыграли местные «авторы корреспонденций в самарские и столичные газеты» [2, с. 158, 160]. В этот же ряд следует поставить и корреспондентов Русского географического общества.

«Описание» Воронова до последнего времени использовалось очень немногими историками, знавшими газетную публикацию, которая давно превратилась в библиографическую редкость, или имевшими возможность работать в архиве с рукописным текстом. Спустя 158 лет после написания ценный исторический источник и одно из самых ранних комплексных исследований Самарского региона стал наконец доступен и широкой научной общественности, и массовому читателю.

Обстоятельства его появления и само содержание проливают дополнительный свет на ход превращения Самары из уездного в губернский центр в середине XIX столетия. В ходе этого преобразования, совпавшего с кануном и началом Великих реформ, происходили, как свидетельствуют современники тех событий, не только административные перемены. Шли также процессы формирования элементов гражданского общества, развития культурной среды провинциального города. Одной из движущих сил этих процессов была прогрессивная и образованная часть чиновничества — российская «просвещенная бюрократия», представителями которой были губернатор К.К. Грот и его сотрудники, в том числе Н.А. Воронов.

Библиографический список

1. Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.
2. Артамонова Л.М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практ. конф.: в 3 ч. Самара, 2014. Ч. 2. С. 152–161.
3. Артамонова Л.М. Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850–1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 140–148.
4. Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156–161.
5. Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» — замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229–237.
6. Артамонова Л.М. Самара — новый губернский центр середины XIX века: изменения социально-культурной среды в связи с повышением административного статуса // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 14–27.
7. Белокрысенко А.Ф. Исторический очерк постепенного покорения Симбирского края и административного устройства его в разное время // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868.

8. Бирюкова А.Б. Научная деятельность элиты православного духовенства в дореформенной провинции (по материалам поволжских губерний) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практ. конф. Нижневартовск, 2015. С. 227–230.
9. Воронов Н.А. О винокуренном производстве и торговле хлебным вином в Самарской губернии // Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 гг. Самара, 1864.
10. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю.Н. Смирнов. СПб., 2015. 118 с.
11. Горюшкина Н.Е. «Объявить откупщикам, что проект их отвергается»: о противодействии откупщиков винной реформе 1863 г. // Известия Юго-западного государственного университета. Сер.: История и право. 2012. № 1. Ч. 1. С. 241–245.
12. Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 25 с.
13. Ибнеева Г.В. «Бабушка» вниз по «матушке» // Родина. 2005. № 8. С. 115–119.
14. Кирсанов Р.С. Гончарное производство русского населения Самарского Поволжья в конце XVII–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 225 с.
15. Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002. 278 с.
16. Майорова А.С. Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 1. С. 81–86.
17. Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.
18. Смирнов Ю.Н. Взаимоотношения администрации, общества и самоуправления в Самарской губернии середины XIX в.: от местных инициатив к общегосударственным реформам // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 181–192.
19. Этнография Самарского края XVIII–XX веков: библиографический указатель / сост. В.М. Бирюков. Самара, 1994. 301 с.
20. Юрченков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск, 2014. 276 с.
21. Юрченков В.А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII – начало XX века // Российская история. 2004. № 5. С. 26–37.

References

1. Akulshin P.V. *Prosveshchennaia biurokratiia i russkaia provintsiiia v pervoi polovine XIX v. (po materialam Penzenskoi, Riazanskoi, Tambovskoi i Tul'skoi gubernii): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk* [Enlightened bureaucracy and the Russian province in the first half of the 19-th century (on the materials of Penza, Ryazan, Tambov and Tula provinces): Author's abstract of Doctor's of Historical Sciences thesis]. М., 2004, 46 p. [in Russian]
2. Artamonova L.M. *Obraz Samary kak novogo gubernskogo goroda v russkoi pechati i publitsistike serediny XIX veka* [Image of Samara as a new provincial city in the Russian press and journalism of the middle of the 19-th century] in *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 ch.* [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural changes. Materials of the International scientific and practical conference" in 3 Vols.]. Samara, 2014, Vol. 2, pp. 152–161 [in Russian].
3. Artamonova L.M. *Provintsial'noe uchitel'stvo i ego zaniatiia naukoj v 1850-1860-e gg. (po arkhivnym i opublikovannym materialam Samarskoi gubernii)* [Provincial teachers and their science classes in the 1850-1860-ies (on archival and published materials of the Samara province)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7(129), pp. 140–148 [in Russian].
4. Artamonova L.M. *Prosvetitel'skaia deiatel'nost' samarskogo gubernatora K.K. Grota: stolichnyi chinovnik v kul'turnom prostranstve provintsii* [Educational activity of the Samara governor K.K. Grot: the capital official in the cultural space of the province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts], 2014, no. 2(19), pp. 156–161 [in Russian].

5. Artamonova L.M. Rukopisi G.N. Potanina «Zapiski o Samare» i «Dedushka iz Samary» – zamechatel'nye pamiatniki «lokal'noi» istorii serediny XIX veka [G.N. Potanin's manuscripts «Notes about Samara» and «The Grandfather from Samara» – remarkable monuments of «local» history of the middle of the 19th century]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2013, Vol. 15, no. 5-1, pp. 229–237 [in Russian].
6. Artamonova L.M. Samara – novyi gubernskii tsentr serediny XIX veka: izmeneniia sotsial'no-kul'turnoi sredy v sviazi s povysheniem administrativnogo statusa [Samara – a new provincial center of the middle of the 19th century: changes of social and cultural environment as a result of higher administrative status]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordovia* [“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia”], 2015, no. 4(36), pp. 14–27 [in Russian].
7. Belokrysenko A.F. Istoricheskii ocherk postepennoho pokoreniia Simbirskogo kraia i administrativnogo ustroistva ego v raznoe vremia [Historical sketch of the gradual conquest of the Simbirsk Region and its administrative apparatus at different times] in *Collection of historical and statistical data about Simbirsk*. Simbirsk, 1868 [in Russian].
8. Biryukova A.B. Nauchnaia deiatel'nost' elity pravoslavnogo dukhovenstva v doreformennoi provintsii (po materialam povolzhskikh gubernii) [Scientific activity of the elite of the orthodox clergy in the prereform province (on the materials of the Volga Region provinces)]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Culture, science, education: problems and prospects. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference]. Nizhnevartovsk, 2015, pp. 227–230 [in Russian].
9. Voronov N.A. O vinokurennom proizvodstve i torgovle khlebnym vinom v Samarskoi gubernii [About distillery grain production and vodka trade in the province of Samara] in *Memorable book for the Samara province in 1863–1864*. Samara, 1864 [in Russian].
10. Voronov N.A. Opisanie Volzhskogo pribrezh'ia Samarskoi gubernii i zamechatel'neishikh ego mestnostei (1857 g.) / nauch. red. Iu.N. Smirnov [Description of the Volga coast in the Samara province and the most remarkable places (1857)]. Scientific editor Yu.N. Smirnov. SPb, 2015, 118 p. [in Russian].
11. Goryushkina N.E. «Ob»iavit' otkupshchikam, chto proekt ikh otvergaetsia»: o protivodeistvii otkupshchikov vinnoi reforme 1863 g. [«Announce to tax farmers that their project is rejected»: about counteraction of tax farmers to wine reform of 1863]. *Izvestiia Iugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii i pravo* [Proceedings of the South-West State University. Series History and Law], 2012, no. 1, Vol. 1, pp. 241–245 [in Russian].
12. Dosekin E.S. *Evgenii Nikolaevich Trubetskoi – obshchestvennyi i politicheskii deiatel': avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk* [Evgeny Nikolaevich Trubetskoi – public and political figure: Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Saratov, 2013, 25 p. [in Russian].
13. Ibneeva G.V. «Babushka» vniz po «matushke» [«Grandma» down «Mother-river»]. *Rodina* [Motherland], 2005, no. 8, pp. 115–119 [in Russian].
14. Kirsanov R.S. *Goncharnoe proizvodstvo russkogo naseleniia Samarskogo Povolzh'ia v kontse XVII–XX vv.: dissertatsiia ... kandidata istoricheskikh nauk* [Potter's production of the Russian population of the Samara Volga Region at the end of the 17th – 20th centuries: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2000, 225 p. [in Russian].
15. *Klassika Samarskogo kraevedeniia: antologiiia / pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana* [Classics of Samara local history: an anthology]. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Samara, 2002, 278 p. [in Russian].
16. Mayorova A.S. Poseshchenie Saratova naslednikom tsesarevichem Aleksandrom Nikolaevichem v 1837 g. v kontekste kul'turnykh kommunikatsii stolichnykh i gubernskikh gorodov Rossii [Crown prince Alexander Nikolayevich's visit to Saratov in 1837 in the context of cultural communications between the capital and provincial cities of Russia]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriya: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestia of Saratov University. New series. Series: History, International Relations], 2015, Vol. 15, no. 1, pp. 81–86 [in Russian].
17. Mironov B.N. Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX – nachale XX veka [Development of civil society in Russia in the 19th – beginning of the 20th century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2009, no. 1, pp. 110–126 [in Russian].

18. Smirnov Yu.N. Vzaimootnosheniia administratsii, obshchestva i samoupravleniia v Samarskoi gubernii serediny XIX v.: ot mestnykh initsiativ k obshchegosudarstvennym reformam [Relationship of administration, society and self-government in the Samara province at the middle of the 19th century: from local initiatives to nation-wide reforms]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 11(133), pp. 181–192 [in Russian].

19. Etnografiia Samarskogo kraia XVIII – XX vekov: bibliograficheskii ukazatel' / sost. V.M. Biriukov [Ethnography of the Samara Region in the 17th – 20th centuries: bibliographic index]. Complier V.M. Biryukov. Samara, 1994, 301 p. [in Russian].

20. Yurchenkov V.A. Mordovskaia istoriia: kurs lektsii [Mordovian history: course of lectures]. Saransk, 2014, 276 p. [in Russian].

21. Yurchenkov V.A. Mordovskii etnos v sisteme Rossiiskoi imperii: XVIII – nachalo XX veka [Mordva ethnos within the Russian empire system: 18th – early 19th centuries]. *Rossiiskaia istoriia* [Rossiiskaia istoriia], 2004, no. 5, pp. 26–37 [in Russian].

Yu.N. Smirnov*

**«ENLIGHTENED BUREAUCRACY» IN THE PROVINCE ON THE EVE
OF THE GREAT REFORMS: N.A.VORONOV – AN OFFICIAL OF SAMARA
GOVERNOR GROT AND HIS CONTRIBUTION IN REGIONAL STUDIES
OF THE MIDDLE OF THE 19-TH CENTURY****

The article analyzes the recently published valuable source on the history of the Volga Region of the middle of the 19-th century – «Description of the Volga coast in the Samara province and the most remarkable places». The work was intended as the guide for the forthcoming travel of the chairman of Russian Geographical Society – the grand duke Konstantin Nikolaevich. However, it was a real scientific work on geography, statistics and history, ethnography. The author was a representative of educated officials, conducted regional researches, shared modernization moods of the era, participated in developing and carrying out Great Reforms. Voronov made an important contribution to the study of the Samara Region and was a representative of the public thought in the era of transformation of Russia.

Key words: Russia in the 19 century, history of the Volga Region, ethnic processes, modernization, grain market, regional studies, Alexander II, Russian Geographical Society.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

---

* *Smirnov Yuri Nikolaevich* (smirnov195503@yandex.ru), Department of Document Science, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The investigation is performed at financial support of the Russian Foundation for the Humanities within the frameworks of Research and Development Project of the Russian Foundation for the Humanities № 15-11-63002 a-(r) «Transformation of Samara from the district city to the provincial town on the eve and in the beginning of reforms of the middle of the XIX century: archival materials and media on changes and administrative sphere, formation of civil society, development of cultural environment».